Текст · 14 мая 2024, 06:28
Аня Шагова,

«Им психологически проще погибнуть за Родину». Зачем бездомные идут на войну с Украиной и какими они возвращаются

Вернувшиеся с войны россияне все чаще обращаются в организации, помогающие бездомным. Бывшие фронтовики пропивают миллион за три дня, мучаются ПТСР, сбегают из больниц и теряются в мегаполисах. Их ищет военная полиция и иногда — родственники. Издательство «Знаки препинания» и «Медиазона» рассказывают их истории.

«У меня уличный фронт, я воюю сам с собой»

Вечером в пятницу на точке раздачи еды за Ярославским вокзалом в Москве в пластиковые тарелки с рыбным супом капает дождь. На сто бездомных людей в очереди — трое в камуфляже. Тот, что в летнем полевом костюме, дрожит: в середине апреля в Москве еще носят теплые куртки. На левой руке у него оберег: жена завязала вокруг запястья три толстые нитки, когда 44-летний Максим Рочев в июле 2023 года отправился в Украину. Зачем? «Все достало». Раньше работал водителем, развозил продукты по магазинам в заполярном Салехарде.

Из Украины Рочева «забрали» в Сирию, сегодня его группа улетела туда, а он — нет, хотя по новому контракту был должен. Дезертиром себя не считает.

— А как тогда это называется?

— Это называется распиздяйство.

Его командир с такой формулировкой вряд ли согласен. Жене Рочева было сказано, что если он не выйдет на связь в ближайшее время, то «наверх будет подан рапорт о самовольном оставлении части». Кажется, прямо сейчас Рочева это волнует мало. Проходит полчаса, и он уже пьет водку в компании бездомных людей.

Литровую бутылку принес с собой Стас. Он тоже в камуфляже, но в Украине никогда не был. Говорит, что носит такие куртку и штаны, потому что на них грязь меньше видно. В этой одежде и с приклеенным на кепку маленьким флагом России он, разумеется, обращает на себя внимание военных, которых полно на вокзалах.

«Ко мне подходят: "Братан, ты откуда?". Я сразу говорю: "Не, не, у меня уличный фронт! Я воюю сам с собой"», — объясняет Стас. Но знает он и тех, кто, пытаясь развести эсвэошников на выпивку или деньги, врут, что бывали на передовой.

Схема эта, на его взгляд, нерабочая: «Два-три вопроса: "У тебя эшелон какой? Направление какое? Командира позывной назови". И в результате получается не на деньги развести, извините, а на

разбитое ебло. Потому что ребята оттуда приезжают завьюженные».

Вообще военных Стас уважает. Рад, когда они, чтобы скоротать время между поездами, приглашают сходить в кафе или ведут его в магазин: с эсвэошника — водка и сигареты, со Стаса — компания. Вернувшимся, считает он, тяжело сидеть в одиночестве, едет крыша: «Ну, своеобразные люди».

Он, как может, заботится о собутыльниках. Просит, например, тех, кто идет с ним пить, сначала сдать в камеру хранения паспорт, вещи и телефон: «Это три вокзала, что ты хочешь?». Если кутеж затянулся, то приглашает с собой спать в электричку. Шутит, что если человек жил в окопах, то электричка ему «вообще раем покажется».

Пока мы разговариваем со Стасом, к нам подходит не уехавший сегодня в Сирию Рочев. Говорит Стасу: «Здорово, родной!» — и обнимает. Они не знакомы.

— Макс.

— Стас. Че, какой позывной у тебя?

— Безумный. Стас, есть кофта или накинуть чего-нибудь?

— Ай, слушай, там вещи дают, вон машина стоит. Подойди, обрисуй ситуацию, скажи, ограбили, уволокли сумку.

Темнеет. Рочев продолжает пить. Большинство бездомных уже ушли с точки. Парень с фингалом

под глазом и его девушка говорят, что Рочев поедет ночевать к ним. «Я с братом! Это мой брат!» — наперебой кричат мужчины. Идут в «Пятерочку». Рочев пытается обнять охранника торгового центра.

Достает из кармана кошелек, наличными там не больше тысячи. Покупает водку. На улице, видимо, совсем осмелев, приклеивает шевроны: на правое плечо Богородицу, на левое — эмблему «Отважные», популяризированную генералом Лапиным.

— А у вас какой план в итоге?

— Вот, с молодым человеком! Вперед и ни шагу назад, — важно говорит Рочев. — Солнышко, записываешь? Ты уважаемая женщина, дай тебе Бог здоровья.

Через пятнадцать минут его уводят в метро.

Рочев — далеко не единственный военный, который приходит за бесплатным супом. Они появляются регулярно, причем не только в Москве, подтверждают сотрудники нескольких благотворительных организаций.

Фото: Любовь Неверова

«Приходите, хоть всех забирайте»

О вербовке среди бездомных известно мало. Ходил слух, что в октябре 2022 года в Москве полицейские приехали в пункт обогрева «Ангара

спасения»[1], набили автобус людьми и после проверки документов увезли некоторых в недавно открывшийся призывной пункт во дворе Музея Москвы.

Бывает, вербовщики появляются в приютах для бездомных людей. В Уфе приходят из военкоматов всех семи районов города. «Но не систематически, так, по наитию. Видимо, им сверху прилетит: "Собирайте давайте", и они начинают обзванивать подобные учреждения, — говорит руководитель уфимского Республиканского центра помощи лицам БОМЖ Азамат Зиннуров. — Один у нас был здесь деятель, на СВО прямо такой весь сдвинутый. Говорит: "Давайте! В Питере это делают, у них есть опыт, практика". Я так и не понял, какой опыт, какая практика, кто там в Питере это делает. Наверное, никто. "Там чуть ли не сто человек отправляли!". Я говорю: "Ну, приходите, разговаривайте, хоть всех забирайте"».

На памяти Зиннурова на войну захотели отправиться только двое бездомных. Ушел один, 60-летний непьющий мужчина, который мечтал за год накопить на дом. В ноябре он прислал по вотсапу фото: «Стоит весь в амуниции». Через два месяца его торжественно похоронили в родном селе.

Агитацию в своем приюте Зиннуров считает бессмысленной. Большинство жильцов РЦПЛ — это инвалиды, люди с ампутированными конечностями или просто с плохим здоровьем. «Что там остается? Человек десять? Эти там работают, эти здесь работают, их поймать еще надо. Поэтому визитеры

говорят: "Ладно, спасибо большое, Азамат, если что, позвоним"».

Инвалидов «мобилизуют» по-другому. К примеру, бездомных стариков, которые живут в одном из рабочих домов[2] частной сети «Ной», в 2023 году обучили плести маскировочные сети. С контактами и материалами помогла член СПЧ Марина Ахмедова. Перед новым 2024 годом она рассказала Путину, как «те, кто совсем недавно вел асоциальный и антиобщественный образ жизни», стали счастливыми и нужными. И это, по ее мнению, еще одно свидетельство мобилизации гражданского общества.

Координатор рабочих домов «Ной» Сергей Бызин Ахмедовой благодарен. Но не думает, что «государство хочет, чтобы в информационном поле звучало — я грубо скажу, да? — что бомжи плетут сети». «Почему? Я не знаю. Я не чиновник, я не могу их мозгами думать... Я так понимаю: как они могут это сказать? Что, некому, кроме бездомных, плести сети, что ли?» — рассуждает он.

Вообще рабочие дома и военкоматы — конкуренты. Руководство первых не заинтересовано в том, чтобы от них уходили люди: потеря людей — это потеря денег. Тот же «Ной» забирает себе половину заработанного постояльцем, говорит Бызин. И 60 человек (которые, по его словам, ушли из «Ноя», подписав контракт, после того как вербовщики объехали сеть домов летом 2022 года) могли бы за год принести больше 10 млн рублей.

«Но если не уйдут они, уйдем мы, уйду я, ваш муж. И тот, кто на гражданке, может больше пользы принести, нежели там», — считает Бызин. Еще ему кажется, что бездомному «психологически проще погибнуть за Родину».

Руководительница самарской организации «Ты дома» Юлия Герман думает иначе. «У нас ни один клиент на СВО не поехал и не планирует. Бездомные очень свободой своей дорожат. Многие клиенты не соглашаются даже на государственный приют, потому что там правила, замкнутая, закрытая система, ты не можешь там сам себе быть хозяином. Что тут можно говорить про армию?».

«Вы смотрите: питание бесплатное, одежда бесплатная, жилье можно найти. На какой хрен кому-то туда ехать умирать? — втолковывает мне один из бездомных в "Ночлежке"[3] в Москве. —

Кого угодно спросите, вам скажут: "В гробу я видал эту войну". Это здесь по телевизору вам сказки показывают, а там все жестко».

Впрочем, когда я подхожу к другой компании и спрашиваю, был ли кто-то из них на фронте, один мужчина с энтузиазмом переспрашивает, могу ли я помочь ему туда поехать. Соцработники говорят, что их тоже время от времени об этом спрашивают[4]. И

все чаще и чаще к ним заходят люди в камуфляже: они на войне уже побывали.

Фото: Любовь Неверова

«Плана не было совсем»

Медаль за взятие Бахмута — «бахмутскую мясорубку» — бездомный Альберт Рахимов[5] хранил месяцев восемь, показывал соцработнику, а потом взял и выкинул. Почему и как, толком объяснить не может: по-черному пил всю осень. На предположение, что медаль могла быть не выброшена, а кем-то украдена, Рахимов отвечает, что и тогда «не жалко». «Не нужна она мне. Плюс я там слишком мало пробыл, чтобы мне можно было этим гордиться. Мало пользы принес».

К 35 годам Рахимов в жизни не преуспел: на работе не задерживался дольше года, ночевал где придется (бывало, что и в лесу, в подъездах или электричках), стрелял деньги на ступеньках у магазинов, своей семьи не завел, с родственниками рассорился. Десять лет назад хлопнул дверью родительского дома в башкирской деревне и больше там не был — обиделся на мать, которая вызвала полицию на него пьяного. Говорит, не скучает. Не скучал и в детстве, когда его, первоклассника, увезли в интернат: «Она же злая была постоянно». Даже считает, что так было лучше: в интернате нормально кормили, а дома еда была не всегда.

Подростком Рахимова перевели в закрытое спецучилище: он ударил кого-то головой об стол, и, кажется, не в первый раз. В 17 лет мать его забрала, он оказался в деревне, не нашел себе занятия, запил. Отметив совершеннолетие, удрал в Уфу. «Какой план был? Плана не было совсем».

Следующие несколько лет мотался по центральной России. На стройках поднимал по два мешка с цементом — «здоровья вагон был». Но пить стал больше: «Мог пить всю ночь, услышать будильник, когда еще пью, и продолжить». Однажды словил психоз, мерещилась большая черная собака.

— Когда все пошло не так?

— Да всю жизнь все идет не так. Пошло не так прям с рождения, по ходу.

«Хоть танк угони, если водить сможешь»

На войну Рахимов уехал в марте 2023 года. В феврале прощупывал почву: заводил разговор с эсвэошниками у вокзалов и забегаловок, спрашивал, какое дают обмундирование и подготовку. О мотивах говорит уклончиво: не понравилось какое-то видео с украинцами, где они «там ездят на танках со свастикой», возмущало, что «страдает мирняк». Новости при этом не читал ни тогда, ни сейчас. Когда в лоб спрашиваешь, волновало ли его начало войны с Украиной, он 30 секунд молчит.

— О чем задумались?

— Ну ведь и правда, не волновало совсем.

Рахимов боялся, что его не возьмут по здоровью. Но его взяли и уже через две недели кинули под Бахмут. К тому, что увидел, он оказался не готов. Мужчина думал, что будет подносить в траншеи патроны, «как в фильмах про сорок пятый». А тут город в дыму, враг

в 20 метрах, очень громко, и под ногами трупы везде. «Подумать об этом не успеваешь. Задачи другие».

Первую и вторую ночь не спал. Днем блевал от увиденного. Расстреливал из автомата людей. «Но если ты затрофеишь себе снайперскую винтовку, ты можешь и со снайперкой бегать, — объясняет он. — И с пулеметом, если пулемет свободный лежит. Какое хочешь оружие, то и берешь. Хоть танк угони, если ты его водить сможешь».

Рахимов сидит напротив меня и иногда совершенно невпопад улыбается. Вспоминает бои. «И мы их зачистили. Ха! — тут он уже сам чувствует, что ведет себя странно, и добавляет: — Я отвечу на ваш вопрос. Почему я улыбаюсь, когда говорю про это? Наверное, это защитная реакция мозга. Ха».

В конце апреля его ранили. Пуля пробила грудную клетку, горлом пошла кровь — признак скорой смерти, думал Рахимов, лежа на холодной земле. Но его вытащили, а в госпитале в Луганске завели в легкие дренажную трубку, собрали осколки лопатки, после рентгена насчитали три сломанных ребра. Долечиваться Рахимова отправили в Сергиев Посад. Оттуда через месяц выписали, сказали ехать домой на реабилитацию.

Рахимов доехал до Москвы, пошел в «Пятерочку», купил четыре бутылки водки и фанту.

— А почему не в ресторан?

— Не знаю. Набрал водки и спрятался, пил где-то возле гаражей.

— У вас же деньги были. Наличкой были?

— Да.

— Не боялись с деньгами ходить?

— Я пьяный был.

— В «Пятерочку» же трезвый шли. Не было страшно потерять все деньги?

— Не думал об этом. Я, наверное, из тех идиотов, которые не думают даже об этом.

Говорит, пил, курил, смотрел на красивые деревья и спал: «До такой степени напивался, что и говорить, наверное, не мог». Подумывал купить компьютер, чтобы работать.

— А думали, кем?

— Не думал вообще. Я просто спился. Снова.

Деньги — у Рахимова, по его словам, было не меньше полумиллиона — жгли карман. Угощал всех подряд: «Если видел, что кто-то с похмелья сидит, компания, я мог денег дать». Через каких-то знакомых снял квартиру на Комсомольской, оттуда его быстро выкинули. Прошло недели три, он протрезвел и «поник». Деньги кончились, тяжелое поднимать нельзя, а значит, никакой работы, на войну сказали вообще больше не возьмут. «И всякая фигня была еще… Мысли в голову лезли».

Перед глазами, говорит, вставали видения: поле боя, чужая смерть, кровь, несвежие трупы.

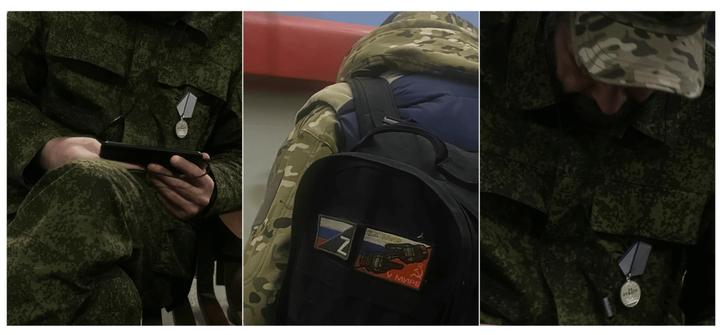

Фото: Любовь Неверова

«Алкаш. Не жалко»

В январе 2023 года правительство России не поддержало законопроект о бесплатной психологической помощи для ветеранов боевых действий, меру сочли «избыточной». Месяц спустя, обсуждая в Госдуме ПТСР у военных, ректор Восточно-Европейского института психоанализа Михаил Решетников сетовал на «истерику» в прессе и говорил, что больше чем в половине случаев симптомы ПТСР проходят сами. Среди прочего он призвал не сравнивать российский и американский опыт: россияне «традиционно» воюют за «свои дома, своих жен и детей, свою культуру и самобытность», а американцы ведут «несправедливые войны на чужой территории».

По России таких данных нет, но счет бездомным ветеранам в США идет на тысячи. В 2023 году их было около 35 тысяч. Как правило, эти люди и до того, как оказаться на улице, входили в группу риска: не имели семьи, высшего образования и постоянного дохода. Война ситуацию обычно усугубляет: люди с ПТСР «лечатся» алкоголем, а вот к психологу обращаются редко.

Даже в помогающих организациях им не всегда подскажут, куда обратиться. Руководитель уфимского центра Зиннуров, например, переспрашивает меня, что такое ПТСР. Потом вспоминает вернувшегося с войны мужчину, который сидел у них в приюте в углу и трясся, обхватив себя руками за плечи.

— Что делали?

— Скорую вызвали.

— А скорая как-то поможет с этим?

— У нас же не медицинское учреждение. Если скорая не сможет помочь, мы уж не сможем тем более.

Побывавший в Бахмуте Рахимов пришел в «Ночлежку» в июле 2023 года и вздрогнул от сигнала электронной очереди. Первые месяцы он «неадекватно» реагировал на хлопки дверей, шорохи. И еще, судя по всему, был в депрессии. Если в Бахмуте он «старался не думать», то по возвращении уже как-то не получалось: не хотел, но вспоминал войну, голова болела, и не спалось.

Его отправили в московский Единый центр поддержки участников СВО и их семей[6], там выделили психолога. Видения начали тускнеть. Он заселился в приют «Ночлежки». Про то, где был, попросил другим жильцам не рассказывать, сам тоже не распространялся. Недоумевает, в чем ценность этих воспоминаний:

— Говорите, чем-то могу поделиться? Чем? Как автомат перезаряжать?

— Чем-то более интересным.

— Больше там, сами знаете же, ничего интересного нету. Ну, могу посоветовать каску не застегивать, чтобы голову при взрыве не оторвало.

Говорит, что тяжело смотреть на чужую смерть, а о собственной рассуждает равнодушно: «Самому

ладно. Завалили и завалили, ну и все, ну и ладно. У них родственники, родители. Мне-то полегче, я же слишком-то не общаюсь. И ко мне тоже так: "Ну, алкаш и алкаш. Не жалко"».

— Родственникам не жалко или вообще никому?

— Наверное, вообще никому, — говорит Рахимов.

В приюте он прожил два месяца, рвался на работу, в конце августа загулял, не ночевал неделю, выселили. Пил, выкинул медаль, иногда получал по вотсапу от соцработника предложение поехать на реабилитацию. Выходил чистить снег — 3 тысячи рублей за восьмичасовую смену, прикапывал рядом с собой бутылку водки, без нее работать уже не мог.

В марте он отправился на реабилитацию под Петербург, не закончил и сорвался в Сочи: там якобы ждали какие-то знакомые и работа. Жалеет, что на войне «капитально» попортил здоровье, но не о том, что вообще туда поехал. О пропитых деньгах говорит спокойно: «Для меня до сих пор деньги не имеют большого значения».

Фото: Любовь Неверова

«Месяц меня домой не пускала, побаивалась»

Многие бездомные никогда не держали в руках таких сумм, которые получают на войне. Тем, кто заключил

контракт больше чем на год, единовременно выплачивают 195 тысяч рублей. К этой ставке регионы могут добавить денег из собственного бюджета. В Московской области, например, дадут еще 605 тысяч, а в Ивановской — всего 50 тысяч. За ранение предусмотрена выплата в 3 млн рублей, в некоторых регионах сверх того есть дополнительные компенсации.

С финансовой грамотностью у бездомных плохо. Они либо балансируют на грани бедности, либо живут за этой гранью. Многим не подходит работа, где зарплату дают два раза в месяц, им надо по чуть-чуть, но каждый день — откладывать не получается. Они влезают в кредиты, не понимая, как будут их отдавать: почти все герои этого текста оказались клиентами микрофинансовых организаций. Их часто грабят. В итоге долгосрочное планирование кажется им делом бессмысленным.

Иногда рядом с бездомным оказываются люди, которые подсказывают, как, по их мнению, правильно поступить. Бывает, подключаются власти.

Так, выпускнику детдома Виктору Баутину из Екатеринбурга, который в сентябре 2022 года заглянул в военкомат спросить, не будет ли у него проблем, если он живет не по прописке, и попал под мобилизацию, купили квартиру неизвестные меценаты, которых, видимо, нашла депутатка Госдумы Жанна Рябцева.

Но случай Баутина не рядовой: с фронта его увозили полуживым. Часть черепа удалили, в сознание он пришел, но ни ходить, ни дышать самостоятельно,

ни говорить больше не мог. С ложки в госпитале его кормил брат-близнец. В подаренной квартире они сейчас живут вместе.

Чиновники из департамента труда и соцзащиты Москвы непублично передавали, что готовы помогать участникам войны, которые оказались на улице. При этом неважно, доброволец это, мобилизованный, контрактник или кто-то еще, говорит источник в одной из благотворительных организаций.

Бывших вагнеровцев часто берут на поруки женщины. «Би-би-си» рассказывала историю матери-одиночки, которая решила перевоспитать уголовника. За деньгами и наградами они ездили вместе.

«Мы сели в поезд, мы начали планировать с ним, — вспоминала она. — Я говорю: "Надо свои цели искать". Он начал, конечно, как маленький ребенок: "Я хочу и то, и то". Я говорю: "Нет, смотри, первое, что мы делаем, — у тебя нету жилья — мы покупаем квартиру"».

«Холод» писал про новгородца, которого после лечения забрала к себе девушка и сначала поселила в гостиницу: «Осторожна была, месяц, наверное, меня к себе домой не пускала, побаивалась. Опасалась из-за моего прошлого». Спустя несколько месяцев они поженились.

Пятидесятилетнему Александру Евдокимову из Касимова квартиру купил старший брат. Оформил он ее, правда, на своего тестя, а Евдокимова только

прописал. «Так что Саша, можно сказать, бомж!» — сердито говорит его жена.

Фото: Любовь Неверова

«Чисто нервный срыв»

Своей квартиры у Александра Евдокимова не было никогда. Ту, где он вырос, отец продал, чтобы купить дом. Дом сгорел. В конце нулевых Евдокимов на семь лет попал в колонию: убил человека. Сам утверждает, что товарища в драке, а его брат Сергей говорит, что сожительницу. Вышел, жил с разными женщинами, наездами бывал в Москве: в родной Рязанской области с работой не очень. «Я за такие деньги работать не собираюсь, там, извините, 15–17 тысяч».

Через два года Евдокимов снова уехал в колонию, а оттуда уже — в августе 2022 года — с «ЧВК Вагнера» на войну: хотел, чтобы сняли судимость. Сидеть ему оставалось четыре месяца, контракт он подписал на полгода.

В Касимов вернулся героем, по крайней мере, так он себя чувствовал. Привез, по его собственным словам, 1 млн 700 тысяч, а по словам его брата Сергея — 900 тысяч рублей. «Ходил сразу по всем друзьям, бухал». На главной улице города, встретив знакомых, стягивал кофту, чтобы показать шрамы. При мне Евдокимов тоже раздевается, хотя я не прошу, куска лопатки действительно нет. Сергей возмущался: «Я говорю: "Штаны еще сними, придурок ты ебучий.

Другой человек пришел трижды раненый, никому слова не сказал. А тебя в плечо ранили, все, пиздец, блядь!"».

Сначала Александр поселился у брата. Сергей, кажется, был не рад. Быстро нашел квартиру, купил и «выгнал туда его на хер вместе с маманей». Но оформлять покупку на брата не стал, говорит, что, во-первых, к «вагнеровским» деньгам пришлось добавить «типа половину»[7] своих, во-вторых, опасался, что тот квартиру пропьет.

Уточняю:

— То есть ему надо бояться, что вы в какой-то моменту эту квартиру можете отобрать?

Сергей начинает орать:

— А зачем я буду отбирать? Вы чего гоните-то, блять, на хуй? Вы меня просто, по-русски говоря, заебывать начинаете! Какую-то хуйню меня спрашиваете, на самом деле! Вам какой интерес от этого?

Оставшиеся после покупки квартиры деньги, рассказывает Сергей, брат быстро пропил: «Когда он пришел, он взял у меня сразу сто тысяч. Потом приходил, брал по пятнадцать, по десять, по пять. Все вытащил».

— Изначально планировали столько пропить?

— Нет, просто чисто нервный срыв, — говорит Александр.

В новой квартире жизнь не стала размереннее. Евдокимов думал снова отправиться на войну, но «залип» на год в Касимове. По ночам звонил брату, говорил, что «уезжает на киевскую границу». «Он так по всему Советскому Союзу уже ездил! Протрезвеет маленько — успокоится. Нажрется — опять началось», — злится Сергей. Он передразнивает Александра: «"Поеду туда, меня там ждут, там друзья мои, братья!". Я говорю: "Какие, на хуй, братья? Такие же петухи, как и ты, блядь. Братья... Пушечное мясо ты, блядь!"».

Сожительница Евдокимова не хотела, чтобы тот снова попал на передовую, но в итоге уступила и осталась с его больной матерью. В марте 2024 года они спонтанно расписались: отбывающие на фронт имеют право не ждать месяц после подачи заявления, а зарегистрировать брак в тот же день. После загса Евдокимов сразу уехал в Москву.

Подписал контракт, снова получил деньги: 120 тысяч рублей перевел жене, 70 тысяч оставил себе. На фотографиях из части в Наро-Фоминске позировал с автоматом и обнимал товарища. Через некоторое время он сбежал и пропал с радаров.

Мы встретились в московской «Ночлежке», куда Александр пришел стирать брюки. Сказал, что «три или четыре дня назад» у него на вокзале стащили сумку.

— А почему вы не помните, четверг это был или пятница, это же совсем недавно было?

— Потому что мы нахуярились с горя. Просто в хламину.

Заявил, что жене не звонил и не собирается: «Не надо лучше этого делать». Меня убеждал, что его уход из части — не дезертирство. Врал, что контракт у него подписан, просто без точной даты. Евдокимов отсутствовал больше месяца, но был убежден, что его не накажут: «Много заслуг».

11 апреля он не поздравил с днем рождения мать. В системе учета «Ночлежки» видно, что в тот день он приходил за бесплатным супом.

Фото: Любовь Неверова

«Уже третий на моей памяти вагнеровец»

В 2022 году в анкету, которую заполняют со слов бездомного при первом визите в «Ночлежку», добавили строчку об участии в боевых действиях. Человек может не отвечать на этот вопрос — как и на вопросы про образование, контакты с родственниками, место последней регистрации и прочие. А может поделиться подробностями. И тогда соцработники оставляют такие записи:

«Вагнеровец. Уже третий на моей памяти».

«Контракт. Деньги достались бывшей жене и детям».

«Зависимость признает, лечиться не хочет».

«Вернулся с войны. Ампутированы обе ноги».

Последний свежий пример — анкета 32-летнего бездомного Романа Орлова. В пятницу, 19 апреля 2024 года, Орлов забежал в петербургскую «Ночлежку» и сказал, что сегодня же отправляется на войну. Месяц назад он просил направление в городскую наркологическую больницу. Сейчас ему был нужен только жетон на метро.

Орлов был бездомным больше пяти лет. Когда водились деньги, жил в хостелах, когда нет — на вокзалах, в заброшках. Дольше всего проработал товароведом в «Дикси», но вот уже четыре года перебивался случайными заработками. Набрал кредитов. Был судим за кражу плеера и избиение человека. За трусами, носками, бритвами и футболками ходил в благотворительные организации. За драку со старушкой в «Ночлежке» Орлова в прошлом году на несколько месяцев внесли в черный список.

Решив поехать на войну в Украине и, видимо, подписав контракт, он за два дня перестирал в благотворительной прачечной все свои вещи. Знакомые говорят, что был «весь на психах». Уехать из Петербурга он должен был в 17:00. С тех пор связи с ним нет.

Редакторы: Олеся Герасименко («Знаки препинания»), Дмитрий Ткачев («Медиазона»)

1. Проект православной службы помощи «Милосердие».

2. Общежитие для людей в трудной жизненной ситуации, постояльцы которого в обмен на крышу над головой и базовые удобства должны работать, часто бесплатно либо отдавая хозяевам значительную часть заработка.

3. Старейшая российская НКО, помогающая бездомным. Начала работу в 1990 году в Петербурге, позже появился филиал в Москве.

4. В «Ночлежке» подчеркивают, что не консультируют по этому вопросу и никому не помогают отправиться на фронт.

5. Имя изменено по просьбе героя.

6. Муниципальное учреждение, которое появилось в 2023 году при департаменте труда и соцзащиты правительства Москвы.

7. По словам Сергея, квартира стоила 1 млн 100 тысяч рублей.